

Проза
великих

ДЖОРДANO БРУНО

ИЗГНАНИЕ
ТОРЖЕСТВУЮЩЕГО
ЗВЕРЯ

Проза великих

Джордано Бруно

Изгнание торжествующего зверя

«Алисторус»

1584

Бруно Д.

Изгнание торжествующего зверя / Д. Бруно — «Алисторус»,
1584 — (Проза великих)

Джордано Бруно родился в 1548 году. Итальянский философ, ученый и поэт, он бесстрашно говорил о своем понимании мироздания. Церковь мимо такого свободомыслия пройти не могла. Джордано Бруно был вынужден покинуть родную Италию. По возвращении в Рим Бруно тут же был схвачен властями и обвинен в ереси и свободомыслии. После долгих восьми лет заточения 17 февраля 1600 года Джордано Бруно сожгли на костре. В произведении «Изгнание торжествующего зверя» наиболее ярко отразился духовный облик Джордано Бруно. Здесь всего свободнее и полнее сказалась горячая проповедническая натура автора, а в драматическом изложении диалогов естественнее всего вылилась проповедь новой религии человечества, проповедь, поставившая Бруно на исторической грани как творца и вдохновителя новой философии и культуры. Через мифологический сюжет Бруно высмеивает ничтожество моральных основ современного ему общества. Великий Юпитер задумал коренные преобразования, он говорит о необходимости совершенствования духа. «Победа над собственными страстями, которые издавна тиранят нас и помыкают нами, славнее победы над гигантами!.. Пусть установится новый праздник – праздник Очищения Неба и Изгнания Торжествующего Зверя, олицетворяющего пороки». «Сжечь – не значит опровергнуть» (Джордано Бруно). В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

© Бруно Д., 1584
© Алисторус, 1584

Содержание

Предисловие	7
Джордано Бруно	10
Объяснительное письмо, написанное просвещеннейшему и светлейшему кавалеру Синьору Филиппу Сиднею[1] Ноланцем	11
Диалог первый	22
Первая часть первого диалога	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Джордано Бруно

Изгнание торжествующего зверя

© ООО «Издательство «Алгоритм», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Предисловие

Ц и к а д а. Измените смерть мою в жизнь, мои кипарисы – в лавры и ад мой – в небо; осените меня бессмертием, сотворите из меня поэта, оденьте меня блеском, когда я буду петь о смерти, кипарисах и аде.

Т а н с и л л. Чудесно! Ведь для любимцев неба самые лютые несчастья обращаются в наивысшее благо: ибо нужда родит работу и труд, а они – всего чаще осиянную бессмертием славу.

Ц и к а д а. И смерть в одном столетии дарует жизнь во всех веках грядущих!

«О героическом энтузиазме»

Таковыми радужными словами предсказал себе судьбу Джордано Бруно в знаменитом произведении, которое главным образом из нежелания раздражать ханжей и лицемеров он не назвал, как ему первоначально хотелось, Песнью Песней. Здесь гениальный Ноланец явил себя миру глубочайшим философом пантеизма, восторженным поэтом Всезвездной Любви и неутомимым борцом за свободу, красоту и бессмертие человечества.

«Изгнание Торжествующего Зверя» было написано Бруно на итальянском языке в самую счастливую пору его скитальческой и страннической жизни, с 1583 по 1585 г., когда он жил в Англии, которая и в то время была надежным приютом для изгнанников. Но и там, в туманном, холодном Лондоне, нередко пред глазами человека, который с гордостью говорил о себе: «Все ледники Кавказа не в силах охладить огонь моего сердца», – вещим и жутким видением возникала картина пышной огненной процессии, что ждала его в Риме.

Предчувствие очень редко обманывает гениальных людей: на рубеже XVI и XVII столетий, в 1600 году, в юбилейный год папы Климента VIII, когда в Риме собрались десятки тысяч верующих католиков со всего мира, 17 февраля, на площади Цветов, после семилетнего заключения в тюрьме Джордано Бруно был сожжен по приговору Святейшей Инквизиции.

Единственное свидетельство о смерти Джордано сохранилось в письме кардинала Гаспара Шоппа – религиозного перевертня, который добился в Риме больших почестей благодаря своему обращению из лютеранства в лоно католической церкви. Описав героическую кончину Джордано, Шопп приводит слова, которыми еще и в наши дни изуверы преследуют славную и незапятнанную память великого мученика за вселенскую правду.

«Так он был сожжен, погибнув жалкою смертью; думаю: отправится теперь в другие миры, что сам понавыдумывал себе, возвестить там, как обычно расправляются римляне с нечестивцами и богохульными людьми».

В августе 1603 года все произведения великого Ноланца зачисляются в Индекс запрещенных книг; имя его начинают вычеркивать всюду, где только оно сохранилось; люди, сочувствующие ему, живущие его мыслью, остерегаются упоминать о нем, чтобы не возбудить против себя подозрений и преследований всевластной Инквизиции.

Нужно было три столетия, чтобы вещие слова Джордано Бруно оправдались на нем самом, и чтобы бессмертная слава осенила, наконец, и навсегда, его имя.

И это вовсе не случайно, что именно сейчас, в эпоху громадных политических и социальных переворотов, в эпоху великих научных открытий, раскрепощающих человека от оков стихийного рабства, в радостную эпоху, когда вновь раскрываются перед земным человечеством дух захватывающие небесные горизонты, Джордано Бруно стал ближе, понятнее, роднее и дороже нам.

Ведь если бы нужно было возможно лаконичнее определить, в чем таятся чудесная сила и обаяние его личности, где лежит суть его философии, каков конечный результат его неуто-

монного искания правды, то, по-моему, надо было бы сказать твердо и прямо: Джордано Бруно открыл путь к звездам, бестрепетно воззвав людей из-под власти Зверя на межзвездную дорогу.

Это был воистину «гражданин вселенной, сын Отца-Солнца и Земли-Матери», человек титанического дерзания и воли, неугасимого Прометеева огня, необъятного всезвездного кругозора... Он любил повторять, что если для нас, земных обитателей, жители других планет находятся в небе, то для них наша Земля – тоже в небе, а мы – небожители. Он утверждал, что решения всех мировых загадок надо искать не где-то в заоблачных сферах, на седьмом и восьмом небе, а возле нас и в нас самих, ибо мир един, нет ничего презренного в мире, все божественно.

Natura est Deus in rebus – Природа есть Бог в вещах.

Столкновение этого обожествлявшего весь мир небожителя с отринувшим землю средневековым христианским миром было неизбежно: мученическая смерть Бруно в Риме стала мировым событием.

В том же самом монастыре «*Santa Maria della Minerva*», против здания античного Пантеона, где впоследствии – в 1633 году – Галилео Галилей после своего торжественного отречения чуть слышно прошептал чудесное, гулко по всему свету повторенное легендой слово: «*E pur si muove!*» – «И все же движется!», – Джордано Бруно, выслушав себе смертный приговор от Римского Первосвященника, в свою очередь произнес смертный приговор Папству:

«*Majori forsitan cum timore in me dicitis sententiam quam ego accipiam*» – «Вы с большим страхом произносите мне приговор, чем я выслушиваю его».

Не прошло и трех столетий, как всемогущая власть Папства была уничтожена навеки, а спустя два десятилетия после отнятия у Римского Понтифекса светской власти в Вечном городе был торжественно открыт памятник Джордано Бруно как раз на том самом месте, посреди площади Цветов, где когда-то был зажжен костер.

На торжество открытия памятника 9 июня 1889 года собрались в Рим со всего мира представители столетия, какое провидел Бруно, столетия, которое поняло и оценило его.

«Кто бы ни направился в Рим на чествование, – гласило приглашение Международного комитета по устройству памятника, – всякий будет чувствовать, что различие нации и языков он оставил за собою и вступил в отечество, где нет этих перегородок. Присутствующие на открытии памятника, воздвигаемого с согласия и на денежные средства всех народов, будут там свидетельствовать, что Бруно поднял голос за свободу мысли для всех народов и своею смертью во Всемирном городе осветил эту свободу».

В итальянском произведении «Изгнание Торжествующего Зверя» наиболее богато, ярко и живо отразился духовный облик Джордано Бруно. Вместе с тем здесь всего свободнее и полнее сказалась горячая проповедническая натура Ноланца, а в драматическом изложении Диалогов естественнее всего вылилась проповедь новой религии человечества, религия разума и борьбы за свободу мысли и совести, проповедь, поставившая Бруно на исторической грани как творца и вдохновителя новой философии и культуры. В этом отношении «Изгнание Торжествующего Зверя» является типичным и характерным произведением для всего шестнадцатого столетия, когда писали и работали над созданием нового европейского общества такие гениальные люди, как Коперник и Лютер, Сервантес и Шекспир, Бруно и Бэкон.

Не знаю, какой прием встретит у нас в России всегда искреннее и восторженное, порою буйно-огненное слово Бруно.

Я хотел своей работой почтить, сколько было в моих силах, память гениального мыслителя, поэта и борца, сделав певца Всезвездной Любви и Героического Восторга доступным русскому народу хотя бы в одном только произведении.

Служить бессмертному слову – великое счастье!

*А. Золотарев,
Рим, 17 декабря 1911 года*

Джордано Бруно

Изгнание торжествующего зверя

Предложенное Юпитером, выполненное Советом, возведенное Меркурием, рассказанное Софиею, выслушанное Саулином, записанное Нолянцем

В ТРЕХ ДИАЛОГАХ, ПОДРАЗДЕЛЕННЫХ НА ТРИ ЧАСТИ

Посвящено учнейшему и светлейшему кавалеру синьору Филиппу Сиднею

Объяснительное письмо, написанное просвещеннейшему и светлейшему кавалеру Синьору Филиппу Сиднею¹ Ноланцем

Слеп, кто не видит солнца, глуп, кто его не познает, неблагодарен, кто не благодарит. Не оно ли и свет, что светит, и благо, что возвышает, и благодеяние, что радует, – учитель чувств, отец сущего, творец жизни.

Так что не знаю, светлейший синьор, куда бы я сам годился, если бы не уважал Ваш ум, не чтил Ваши обычаи, не прославлял Ваши заслуги.

Таким показались Вы мне с самого начала, как только я прибыл сюда, на Британский остров, пожить тут, сколько позволит время; таким же Вы обнаруживаете себя множеству людей при всяком удобном случае и возбуждаете удивление всех, постоянно проявляя свою природную благосклонность, поистине героическую.

Но думать за всех нужно всем, благодарить за многих – многим.

Решая так, судьба не позволяет, чтобы я, сам не однажды выказав себя чувствительным к несносному и неуместному неприличию других, навеки запечатлел свою неблагодарность и покинул Вашу прекрасную, счастливую и гостеприимную родину. Не поблагодарив, по крайней мере, за все, что сделано мне лично, Вас, а также великодушную и благороднейшую личность синьора Фолька Гривелла².

Он соединен с Вами узами тесной и долгой дружбы, множеством своих внутренних и внешних совершенств, вместе с ним Вы росли, питались и воспитывались. Он походит на Вас, да и по отношению ко мне он был тем вторым, кто после Вас пригласил меня и предложил мне занять вслед за Вашими, первыми, вторые должности у себя. И я бы их принял, а он, конечно, поручил мне, если бы завистливая Эриния не рассеяла меж нами свою отраву подлой, злокозненной и бесчестной корысти.

Так что, приберегая для него некую иную материю, я посвящаю Вам эти диалоги, которые, конечно, будут хороши или дурны, ценны или негодны, возвышенны или подлы, учены или невежественны, высоки или низки, полезны или вредны, плодотворны или бесплодны, густы или разбавлены, религиозны или непосвящены. Как и те, в чьи руки они попадутся, одни будут одарены свойством одним, другие – совсем противоположным.

Так как глупых и несправедливых несравненно больше, чем умных и справедливых, то если бы я добивался славы и иных плодов, приносимых хором голосов, мне не только нечего было бы надеяться на радостный успех своих занятий и трудов, а скорее нужно было бы ждать поводов для недовольства и предпочесть молчание слову. Если же, напротив, цель моя – быть на виду у вечной истины, для коей все то, что не только очень немногие разумеют, ищут,

¹ Лорд Сидней – одна из самых интересных фигур XVI столетия. Он совмещал в себе полководца, государственного человека и поэта. В молодых летах он прибыл во Францию ко двору Людовика IX и занимал здесь почетное положение. Варфоломеевская ночь могла бы погубить его; ему удалось спастись, он заблаговременно бежал из Франции, путешествовал по Германии, затем жил долгое время в Падуе, где занимался науками. Возвратившись в Англию, у себя на родине Сидней стал ревностным защитником свободы и просвещения. В качестве общепризнанного мецената он покровительствовал итальянскому изгнаннику – Бруно. Любовь к свободе подарила Сиднею героическую смерть. В 1585 г. он отправился на помощь Нидерландам, восставшим против Испании. Сохранился рассказ о том, как Сидней, смертельно раненный и страдающий от жажды, отказался от принесенной ему воды в пользу лежавшего рядом с ним солдата: «Ему гораздо нужнее ваша помощь, чем мне». Он боролся со смертью две недели, успел сочинить торжественную оду и умер 16 октября 1586 г. стойко и мужественно «en philosophe chretien», как философ-христианин.

² Лорд Фольк Гривелл – друг Сиднея. Пережив Сиднея почти на 40 лет, он велел на своем памятнике написать: «Здесь лежит друг Филиппа Сиднея». Что касается размолвки между Гривеллом и Бруно, то, по всей вероятности, Бруно навлек на себя гнев и недовольство Гривелла своими насмешками и обличениями английской жизни в своем произведении «Cena delle ceneri» («Великопостная Вечеря»).

достигают, но что, мало того, преследуется, презирается, проклинается, тем более становится ценным и высоким. Я всякий раз с тем большею силою стремлюсь побороть бурный поток, чем очевиднее для меня, что извилистое, глубокое и наклонное русло придает ему большую силу.

Итак, пусть толпа смеется, шутит, издевается, восхищается комедиантами и скоморохами, под маскарадного внешностью которых в надежной сохранности скрыто сокровище доброты и истины: все равно, как обратно, разве мало есть таких, что под сурово насупленными бровями, кротким видом, длинною бородою и тогою, наставнически важною, стараются ко всеобщему вреду скрыть свое столько же позорное, сколько горделивое невежество и столь же опасные, сколь прославленные злодеяния.

Тут многие из тех, что не могут приобрести себе славы ученых и добродетельных собственной добродетелью и знанием, очень легко могут выдвинуться, доказав, как мы невежественны и порочны. Но, знает Бог, ведает непогрешимая истина, что насколько глупы, развратны и преступны подобного рода люди, настолько я в своих мыслях, словах и действиях не знаю, не имею и не стремлюсь ни к чему иному, кроме искренности, простоты и правды. Именно так и будут судить обо мне там, где не поверят, чтобы героические дела и заслуги были бесплодны и бесцельны; где не станут считать высшую мудрость нескромною верою; где отличают человеческий обман от божественных внушений; где извращение естественных законов не считается делом веры и сверхчеловеческого благочестия; где научное исследование не есть безумие, где не в жадном захвате – честь, не в обжорстве – роскошь, не в толпе рабов, каковы бы они ни были, – хорошее имя, не в лучших одеждах – достоинство, не в богатстве – величие, не в диковинном – истина, не в злобе – благоразумие, не в предательстве – любезность, не в обмане – осторожность, не в притворстве – умение жить, не в неистовстве – сила, не в силе – закон, не в тирании – справедливость, не в насилии – суд и так далее во всем прочем.

Джордано, чтобы все знали, высказывается свободно, дает свое собственное имя, чему природа дает свое собственное бытие. Не стыдится говорить о том, что сотворила достойным сама природа. Не скрывает того, что она выставляет открыто. Зовет он хлеб – хлебом, вино – вином, голову – головою, ногу – ногою и прочие части каждую своим именем. Называет еду – едою, сон – сном, питье – питьем и так все прочие естественные отправления обозначает присущим им именем. Считает чудеса за чудеса, храбрость и диковинные дела за храбрость и диковинные дела, истину за истину, науку за науку, доброту и доблесть за доброту и доблесть, обман за обман, лицемерие за лицемерие, меч и огонь за меч и огонь, слова и сны за слова и сны, мир за мир, любовь за любовь. Оценивает философов, как философов, ученых, как ученых, монахов, как монахов, священников, как священников, проповедников, как проповедников, пиявок, как пиявок, бездельников, гаеров, шарлатанов, фокусников, барышников, скоморохов и попугаев за то, что они о себе говорят, как себя показывают и что – суть. Точно так же относится и к работникам, благодетелям, мудрецам и героям.

Смелее! Смелее! Ибо видим, как за свою великую любовь к миру он – гражданин и слуга мира, сын Отца-Солнца и Земли-Матери – должен выносить от мира ненависть, проклятия, преследования и изгнание. Но, в ожидании своей смерти, своего перевоплощения, своего изменения, да не будет праздным и нерадивым в мире!

Пусть же представит он теперь Сиднею разложенные в стройном порядке семена своей нравственной философии не для того, чтобы тот удивлялся, познавал, понимал ее, как что-то новое; но для того, чтобы рассматривал, обсуждал и оценивал, принимая все, что следует принять, извиняя все, что следует извинить, беря под свою защиту все, что следует защитить от морщин и бровей лицемеров, от зубов и носа молокососов, от пилы и напилка педантов; предупреждая первых (лицемеров), что автор, конечно, исповедует ту религию, которая зачалась, растет и крепнет воскрешением мертвых, исцелением недужных, отдачею своего, и что не вызовет он сочувствие там, где похищают чужое, заражают здоровых и убивают живых. Советую вторым (молокососам) обратиться к деятельному разуму и духовному солнцу с просьбой

послать свой свет тем, у кого нет. Разъясняя третьим (педантам), что нам не годится быть, как они, рабами известных и определенных мнений и слов, но что Божьею милостью нам дано и в нашей воле заставить слова служить нам, выбирая и приспособляя их для нашей пользы и выгоды.

Пусть же не докучают нам лицемеры своей развращенной совестью, молокососы – слепотой, педанты – дурно направленным рвением, если не хотят первые – быть обвиненными в глупости, зависти и злобе; вторые – получить упрек в невежестве, высокомерии и безрассудстве; третьи – быть ославленными за пошлость, легкомыслие и тщеславие: ибо одни не воздержались от суровой цензуры над нашими суждениями; другие – от дерзкой клеветы на наши мнения; третьи – от бестолкового перетрачивания наших слов.

Итак, чтобы выяснить окончательно всякому, кто только хочет и может, к чему я стремлюсь в этих моих беседах, во всеуслышание заявляю и удостоверяю, что я лично одобряю все, что обычно считают достойным одобрения все благоразумные и добродетельные люди, и вместе с ними отвергаю все противоположное. Поэтому прошу и заклинаю всех: да не выищется кто-нибудь с такой уродливой душою или с таким злобствующим духом, коему вздумалось бы убеждать и себя, и других, что все написанное в этой книге сказано мною утвердительно. И да не верят – если только хотят верить правде, – что я, или по существу, или мимоходом, хочу где-нибудь нанести удар истине и бороться с честным, полезным и естественным, а, стало быть, Божественным, но да станут твердо на том, что со всей своей силой я добиваюсь обратного. Наконец, если, как нередко бывает, кто и не вместит написанного, то пусть лучше не судит, а пребывает в сомнении до тех пор, пока, проникнув в самую сердцевину смысла, не вынесет окончательного решения.

Кроме того, не надо упускать из виду, что это – диалоги, где собеседники то говорят сами от себя, то передают чужие речи, причем каждая речь наполнена своим собственным смыслом и произносится с присущим и свойственным каждому лицу задором и страстностью.

Ради всего этого пусть всякий смотрит на эти диалоги не иначе, как на материю и предмет для будущего произведения, ибо, намереваясь трактовать нравственную философию согласно внутреннему свету, лучи которого бросило и бросает в меня божественное солнце разума, я считаю целесообразным, прежде всего, предпослать нечто вроде прелюдии, как то делают музыканты; набросать кое-какие неясные и темные контуры и тени, как то делают художники; набрать основу и протянуть некие нити, как ткачи, и заложить глубоко и невидимо внизу основание, как великие зодчие.

По-моему, удобнее всего это сделать, перечислив и расположив в известном порядке все первичные формы нравственности, то есть главные добродетели и пороки. Перед вами будет выведен Юпитер, раскаявшийся в том, что, сообразно виду 48 созвездий, заполнил небо множеством зверей и вместе с тем – пороков; теперь он решает изгнать зверей с неба, с места славы и вознесения, указав им на земле точно определенные области, а на их место водворить добродетели, коих столь долго преследовали и столь недостойно гнали отовсюду. Итак, если вы увидите, что, когда это решение станет приводиться в исполнение, начнут порицать то, что, по вашему мнению, не заслуживает порицания, позорить достойное уважения, превозносить предосудительное и обратно, имейте в виду, что все это говорится – даже и теми, кто по своему сану властен говорить так, – неокончательно, вроде мессы в затруднительных обстоятельствах, отдыха в поле, охоты в театре; что все это получит со временем свой смысл, значение и надлежащую оценку, когда музыка будет исполнена полностью, картина нарисована, ткань выткана, здание увенчано сводом.

В этих же диалогах, пока что, София представляет Софию, Саулин играет Саулина, Юпитер – Юпитера, Мом, Юнона, Венера и прочие греки и египтяне, игривые или важные, сколько и каковы бы они ни были, каждый выступает сообразно своей натуре и условиям. Увидите ли

вы серьезные или смешные разговоры – помните, что все их одинаково надо рассматривать через особые очки.

В заключение, принимайте как окончательно данные только порядок и число предметов нравственного рассуждения вместе с основами той философии, которая, как вы увидите, полностью олицетворена в них. А что до остального, то пусть каждый возьмет отсюда себе столько плодов, сколько может вместить его сосуд, ибо нет худа, которое не обратилось бы на потребу и пользу добрым, и нет добра, нет достоинства, каковое злым не послужило бы поводом и предметом для соблазна и злодейства.

Следовательно, относясь в этой книге с сомнением, подозрительностью и осторожностью ко всему, где нельзя собрать ценных плодов учения, считайте окончательным нашу мысль, порядок, распределение, расположение, указание метода, древо, театр и поле добродетелей и пороков. Впоследствии нам придется разобраться, проверить, улучшить, исправить, расширить, сократить, подкрепить новыми соображениями. Тогда мы, обняв все своим светом и собственной мыслью, начнем объяснять целое в новых и новых отдельных диалогах, где всеобщая архитектура предлагаемой философии будет вполне закончена, и где мы станем рассуждать уже утвердительным способом.

Мы взяли, значит, Юпитера не как вполне законного и благого викария или заместителя первого начала и всеобщей причины, но как нечто изменчивое, подчиненное року перемен. Во всеедином бесконечном бытии и сущности находится бесконечное и бесчисленное множество особей, одной из коих является, по собственному сознанию Юпитера, сам он; особи эти, будучи едины по своей природе, бытию и сущности, с другой стороны, подвластные действию числа, подвергаются бесчисленным превращениям и разнообразным движениям и переменам. Стало быть, каждая из них, и в частности сам Юпитер, сознает себя тою или иною индивидуальностью, в том или ином составе, с теми или иными свойствами и обстановкой, определенной единицей в ряду других – все это в силу различий противоположностей, каковые все сводятся к единой, основной и первичной – Первому Началу всех прочих, ближайших причин всякого изменения и перемен; чрез это Первое Начало как тот, кто раньше не был Юпитером, становится им, так и тот, кто теперь Юпитер, наконец станет иным, чем Юпитер.

Знает Юпитер и то, что состав вечной вещественной субстанции (каковая не может ни произойти из ничего, ни обратиться в ничто, но способна и к разрежению, и к сгущению, к изменениям формы, порядка, фигуры) разрушается, сложность колеблется, фигура переиначивается, судьба разнообразится; и только элементы всегда остаются теми же по существу, и тем же самым, как был всегда, остается вещественный принцип, который есть истинная субстанция вещей – вечная, нерождаемая, негибнущая. Хорошо знает и то, что из невещественной субстанции также ничто не меняется, не образуется и ничто не разлагается, но она всегда остается такой и не может стать ни предметом разрушения, ни предметом созидания. Стало быть, не может быть и речи о ее смерти ни самой по себе, ни в силу внешних обстоятельств, ибо смерть есть не что иное, как распад частей, соединенных в одно целое. Со смертью прекращается случайная дружба, согласие, сложность, соединение и порядок, но остается у каждого существа его неуничтожимое субстанциональное бытие.

Юпитеру известно далее, что о духовной субстанции, хотя бы она и была в родстве с телами, нельзя понимать так, будто она в собственном смысле входит в состав тел или смешивается с ними, ибо это подобает телу с телом или частице материи одного состава с частицей материи иного состава. Духовная же субстанция есть некий принцип, некое начало, действующее и образующее изнутри, от коего, коим и вокруг коего идет созидание: она есть точь-в-точь как кормчий на корабле, как отец семейства в доме и как артист, что не извне, но изнутри строит и приспособляет здание. Во власти этого принципа объединять противоположные элементы, уравнивать в известной гармонии несогласные свойства, созидать и поддерживать состав живого существа. Он сгибает тетиву, он набирает основу ткани, натягивает нити, уме-

ряет страсти, распределяет приказания, потребляет и одаряет дыханием, снабжает волокнами мясо, растягивает хрящи, укрепляет кости, разветвляет нервы, опоражнивает артерии, обогащает вены, толкает сердце, надувает легкие – всему споспешествует изнутри жизненным теплом и влажным радикалом, вследствие чего получается столько личностей, с такой разнообразною внешностью, фигурою и лицом.

Так создается жилище во всех так называемых одушевленных предметах, начиная от середины сердца или соответственного ему органа, посредством развития и образования новых членов и сохранения тех, что уже развились и сложились. Точно так же под неумолимым воздействием принципа разложения, теряя свою архитектуру, рушится все здание, освобождая противоположные элементы, порывая связи, отнимая устойчивость личности: ибо нельзя вечно пребывать в одном и том же сложном целом, с одним и тем же темпераментом, увековечивая одни и те же навыки, сохраняя одни и те же склонности. От внешних частей и членов все приводя к сердцу и как бы вновь собирая все бессознательные волнения и мучения, тот формирующий изнутри принцип ясно показывает, что он выходит теми же дверьми, через какие пришлось однажды войти.

Знает Юпитер, что если вещественная материя, способная слагаться, разлагаться, перерабатываться, сжиматься, принимать форму, способная к движению и устойчивости под господством, властью и доблестью души, не может быть уничтожена или в какой-нибудь точке, в каком-нибудь атоме сведена на нет, то и подавно невероятно и невозможно, чтобы природа более превосходная, которая повелевает, управляет, главенствует, движет, оживляет, растит, одаряет чувствами, поддерживает и содержит, была бы в худших условиях, была бы, говоря, как и хотят некоторые глупцы с именем философов, неким производным гармонии, симметрии и связанности – одним словом, случайностью, которая чрез разложение целого обращается в ничто вместе со своим составом, вместо того чтобы быть принципом и внутренней причиной гармонии, связанности и симметрии, производных от него. Каковой принцип так же не может существовать без тела, как и тело, движимое и управляемое им, с ним единое, с его отсутствием распадающееся, не может быть без него.

Вот этот принцип, значит, и считает Юпитер той сущностью, которая есть воистину человек, а не какой-то случайностью, что вытекает из состава. Это и есть божество, герой, даймон, особый бог, разумность; в нем, от него и через него, с одной стороны, образовывались и образуются различные составы и тела; с другой, подвергаются различному для каждого особливому бытию, различным именам, различным судьбам. Этот принцип в силу того, что именно он в сознательных поступках и стремлениях сообразно разуму движет и управляет телом, – выше тела и не может быть последним ни обусловлен, ни вызван к действию: только высшею справедливостью, что царит над всем, он обрекается за беспорядочные страсти нести мучения и позор в том же самом или в другом теле и, если проявит себя плохо в управлении каким-нибудь одним жилищем, не смеет надеяться на власть и управление лучшим.

Значит, если, к примеру, сказать, кто вел здесь жизнь лошадиную или свиную, то, как многие самые превосходные философы это разумели, а я думаю, что если и нельзя в это поверить, во всяком случае, следует хорошенько рассмотреть это мнение, предопределением роковой справедливости он будет заключен в тюрьму, соответственно известному преступлению или вине, с органами и инструментами, подходящими для такого работника или ремесленника. И таким образом, постоянно переходя из одного состояния в другое, по воле рока вечно будет подвергаться все новым и новым, и худшим и лучшим родам жизни и счастья, смотря по тому, хорошо или дурно проявил себя в только что пережитых условиях и доле. Мы и наблюдаем, как человек, меняя свои убеждения и склонности, из хорошего становится плохим, из умеренного необузданным, а имевший сходство с одним зверем начинает походить на другого, похуже или получше, вследствие перемены в чертах лица и в фигуре, зависящей от внутреннего духа, но

до того явно обнаруживающейся на теле, что ей никогда не ускользнуть от искусного физиономиста.

Вследствие чего, если нам и кажется, что у многих из человеческого рода есть в их лицах, взгляде, голосе, повадках, страстях и склонностях у одних что-то лошадиное, у других – свиное, ослиное, орлиное, бычье, то все это нужно приписать находящемуся в них жизненному принципу, благодаря которому из-за возможной в недавнем прошлом или в ближайшем будущем перемены тела они только что были или вот-вот станут свиньями, лошадьми, ослами или чем иным, что уже проявляется в них, если только воздержанием, трудами, размышлением и другими добродетелями или пороками не сумеют изменить и снискать себе иную долю.

От этого-то взгляда (не без основательной причины он разъяснен нами больше, чем того требует смысл данного места) зависит подвиг покаяния Юпитера, который представлен здесь, как обычно описывается. Он – Бог, с доблестными и благородными поступками, но у него есть и человеческие – резвость, шалость, распутство, а порою пошлость и зверство. Ведь так его рисуют предания, рассказывающие, как он оборачивался, как принимал на себя различные личины, чтобы символизировать смену различных страстей, коим подвергается Юпитер, душа, человек, обретаясь в этой зыбкой материи. Он изображен у нас также управителем и двигателем неба, чтоб дать понять, что в каждом человеке, во всяком индивидууме можно видеть некий мир, некую вселенную, где Юпитер, вседержитель, символизирует собою свет разума, который судит и правит, который раздает приказания и места добродетелям и порокам в этом чудесном здании.

Этот мир мы принимаем в интересах нашей настоящей работы таким, как его воображают себе глупые математики, как допускают не очень мудрые физики, меж коими нелепее всех перипатетики, то есть разделенным, прежде всего, на множество сфер и затем уже на 48 различных звездных знаков. Этот мир с 48 знаками, на кои первоначально, по их мнению, было разделено восьмое звездноносное небо, называемое обычно твердью, будет основой и предметом нашего труда.

Значит, здесь Юпитер, изображающий собою каждого из нас, выведен так, что, с одной стороны, он от зачатия переходит к рождению, из младенца становится юным и сильным и затем постепенно делается все более дряхлым и старым, с другой, из невинного и неумелого делается грешным и ловким, становится дурным, а порою и добрым, из невежды – знающим, из пьяницы – трезвым, из развратника – целомудренным, из шутливого – серьезным, из несправедливого – справедливым. К этому Юпитера склоняют иной раз слабеющие силы, иной раз будет толкать и подгонять страх рокового суда, который выше богов и грозит им.

И вот как раз в день, когда на небе празднуется победа над гигантами (символ непрерывной и неустанной борьбы, какую ведет душа с пороками и разнузданными страстями), сей отче решился окончательно привести в исполнение то, что он задолго перед тем задумал и решил: так человека переменить строй жизни и привычки прежде всего призывает некий свет, что находится в наблюдательной и сторожевой будке или на корме нашей души и что некоторыми зовется синдерезис³, а у нас почти всегда олицетворен Момом. Юпитер, значит, предлагает богам, то есть производит дело разумного рассмотрения голоса совести, и начинает обсуждать то, что нужно сделать: отбирает голоса, напрягает способности, приспособливает мысли; не после обеда и не в ночи нерассудительности, не без солнца разумения, не без света разума, не натошак, утром, сиречь без пылкости духа, хорошо пригретого вышним жаром; но после обеда, то есть вкусив амброзии ревностного усердия и выпив нектара божественной любви, около полудня или ровно в полдень, сиречь когда нам всего меньше вредит лукавое заблуждение и больше всего помогает дружественная истина – в самый светлый промежуток.

³ Синдерезис (sinderesi) – схоластический термин; был принят для обозначения сознания в этико-религиозном значении этого слова.

Тогда совершается изгнание Торжествующего Зверя, то есть пороков, кои обычно одерживают верх и попирают божественное начало в нас, душа очищается от грехов, начинает украшаться добродетелями и из любви к красоте, которая обнаруживается в природной доброте и справедливости, и из жажды наслаждения, вкушаемого от плодов красоты, и из ненависти и отвращения к враждебным красоте безобразию и унынию.

Это изгнание находит себе отклик и принимается всеми богами, другими словами, добродетели и способности души наперерыв стремятся выполнить все, что считает справедливым, добрым и истинным сей действенный свет, который направляет чувство, ум, рассудок, память, любовь, влечение, ощущение, сознание, волю – способности, олицетворенные Меркурием, Палладою, Дианой, Купидоном, Венерой, Марсом, Момом, Юпитером и прочими боже-ствами.

Итак, туда, где была Медведица в соответствии с местом, ибо оно – самая высокая часть неба, – прежде всех назначается Истина, так как она выше и достойнее всего: она – первая, последняя и средняя, ибо наполняет собою поля Единства, Необходимости, Доброты, Начала, Середины, Конца, Совершенства, зачинается в полях Размышления – метафизическом, физическом, моральном, логическом.

Вместе с Медведицей снисходят Безобразие, Кривда, Недостаток, Изъян, Случайность, Лицемерие, Обман, Коварство.

Место Большой Медведицы остается свободным по причинам, о коих сейчас не место упоминать.

Где изгибается и извивается Дракон, там, в соседстве с Истиной, располагаются Благоразумие со своими подругами – Диалектикой и Метафизикой, с предстоящими по правую руку Лукавством, Хитростью и Злостью, по левую – Тупоумием, Косностью и Неблагоразумием. Оно вращается в поле Обсуждения.

А прогоняют с этого места Случайность, Непредусмотрительность, Случай, Нерадивость со всеми предстоящими справа и слева.

Оттуда, где одиноко фехтует Цефей, ниспадают Софизм, злокозненное Невежество с рабынями, служанками и своею свитой, а на их место, в соседстве с Благоразумием, является София, где и пребудет на полях божественном, естественном, нравственном и разумном.

Где Волопас правит колесницею, туда взбирается Закон на глаза своей матери Софии, где он будет пребывать в областях божественной, природной, гражданской, политической, экономической и в особенности нравственной, чрез кои Закон возносится до высших предметов, снисходит к низшим, распространяется вишь и вдаль к равным и возвращается к самому себе.

Ниспадают отсюда Прегрешение, Уклонение, Отступление с сыновьями, служителями и присными.

Где светит Северная Корона в содружестве с мечом, туда водворяется Суд как ближайшее последствие Закона и дела Справедливости. Его узрят в пяти областях: Следствия, Судоговорения, Решения, Приговора и Исполнения.

Оттуда, стало быть, падает Неправда со всей ее свитой. Корона, которую Суд держит спокойной левой рукой, обозначает Награду и Мзду, а меч, коим размахивает ревностно десница, – Наказание и Мщение.

Там, где Геркулес словно опрастывает для себя место своей палицей, устанавливает свое пребывание Сила после спора Богатства и Бедности, Скупости и Фортуны с их присными и свитами. Как вы увидите, Сила утвердится в полях Нашествия, Отпора, Завоевания, Поддержки, Нападения, Защиты; справа от нее падают Дикость, Жестокость, Безумие, слева – Низость, Слабость, Малодушие, и возле нее показываются Бесстрашие, Смелость, Предвидение, Недюжинность, Уверенность, а против нее – Пошлость, Трусость, Сомнение, Отчаяние с подругами и рабынями. Она находится почти повсюду.

Туда, где виднеется 9-струнная Лира, восходит мать Муза со своими 9 дочерьми: Арифметикой, Геометрией, Музыкой, Логикой, Поэзией, Астрологией, Физикой, Метафизикой, Этикой. Невежество же, Косность и Зверство низвергаются оттуда. Вся вселенная – поле действия для матери, а у каждой из дочерей свой предмет.

Где распускает Лебедь свои крылья, туда восходят Раскаяние, Очищение, Отречение, Преобразование, Омовение, а низвергаются Самолюбие, Распутство, Мерзость, Бесстыдство, Нахальство со всею своею роднёю. Пребывают около и в областях Греха и Падения.

Откуда смещают восседавшую на престоле Кассиопею, вместе со Спесью, Высокомерием, Чванством, Хвастовством и прочими подругами, постоянно вращающимися в полях Честолюбия и Лживости, туда всходят умеренное Величие, Слава, Благопристойность, Достоинство, Честь и прочие товарищи с их двором, которые обычно находятся в полях Простоты и Истины, иной же раз в силу необходимости заходят в поле Притворства и подобных ему, что случайно могут служить прибежищем добродетели.

Туда, где жестокий Персей показывает свой горгонов трофей, восходят Труд, Старание, Рвение, Пылкость, Усердие, Дело, Упражнение, Дельность со шпорами Ревности и Благоговения. У Персея крылатые сандалии плодотворной Мысли и Презрения к обыденному благу; помощниками у него Упорство, Ум, Прилежание, Искусство, Исследование и Старательность; сыновьями он признает Изобретение и Приобретение, из которых у каждого по три сосуда, наполненных благами фортуны, благами тела и благами души. Разгуливает он по полям Крепости, Силы, Безопасности, впереди его бегут Позор, Лениность, Праздность, Бездействие, Скука, Трусость со всею родней по одну сторону, а по другую – Беспокойство, глупое Занятие, Суетня, Томление, Любопытство,хлопоты, Бестолковщина – все выходцы с полей Раздражительности, Подзуживания, Принуждения, Провокации и прочих прислужников, что строят дворец Раскаяния.

На место Триптолема восходит Человечность со своею семьею: Советом, Помощью, Кротостью, Милостью, Поддержкой, Пособием, Спасением с прочими товарищами и братьями, с их помощниками и сыновьями, находящимися в поле истинного Человеколюбия. К ней нет доступа Человеконенавистничеству и его двору – Зависти, Злости, Презрению, Немилости и прочим братьям их, что расхаживают по полям Неучтивости и других пороков.

Жилище Змеебыка занимают Остроумие, Предусмотрительность, Проницательность и прочие такого рода добродетели, обитающие в полях Совета и Благоразумия; бегут оттуда Нерасторопность, Тупость, Вздорность с толпою всех, что разрослись бурьяном в полях Неблагоразумия и Нерассудительности.

На месте Стрелы показываются обдуманное Решение, Наблюдение и Намерение, кои упражняются в полях упорядоченного Учения, Внимания и Стремления, а Клевета, Предательство, Колкость и прочие сыны Ненависти и Зависти, что наслаждаются в садах у Засады, Шпионства и подобных им подлых и позорных земледельцев, уходят прочь.

В том месте, где изгибается дугою Дельфин, появляются Благожелательность, Любезность, Услуга, которые вместе со своими друзьями обретаются в полях Человеколюбия и Домовитости; оттуда бежит враждебная и надменная толпа на поля Спора, Поединка и Мщения.

Откуда отлетает Орел вместе с Честолюбием, Надменностью, Безрассудностью, Тиранией, Гнетом и прочими хлопотливыми сотоварищами в поля Захвата и Насилия, туда отправляются на жизнь Великодушие, Благотворительность, Благородство, Власть, которые пребывают в полях Достоинства, Господства и Авторитета.

Где был Пегасский Конь, вот там божественный Восторг, Энтузиазм, Восхищение, Пророчество, каковые пребывают в поле Вдохновения; бегут прочь отсюда дикий Восторг, Мания, безумный Порыв, Разложение духа, Потеря внутреннего смысла, что обретаются в поле Чрезмерной Меланхолии – этой пещеры злого гения.

Андромеду с Упорством, Злобою и глупым Убедением, кои разрастаются в поле сугубого Невежества, сменяют Добродушие, Надежда, Ожидание, показывающиеся на поле Доброй Дисциплины.

На смену сброшенного Треугольника утверждается Вера, иначе называемая Верностью и умножающаяся в полях Постоянства, Любви, Искренности, Простоты, Истины и прочих, от коих далеки поля Обмана, Неустойчивости и Лицемерия.

Вместо царства Овна поставляются Епископство, Княжество, Пример, Указание, Совет, Разъяснение, кои блаженствуют в полях Послушания, Подчинения, Согласия, доблестного Соревнования, Подражания, откуда удаляются дурной Пример, Соблазн, Безумие, распинаемые на полях Распутства, Заблуждения, Отступничества, Раскола, Ереси.

Бык становится образом Терпения, Снисходительности, Долготерпения, соразмерного Гнева, пригодных в полях Власти, Служения, Исполнительности, Рвения, Труда, Послушания и прочих. С ним уходят чрезмерный Гнев, Досада, Презрение, Негодование, Неохота, Нетерпение, Жалобы, Стоны, Вспыльчивость, что находятся почти в тех же самых полях.

Где обитали Плеяды, туда восходят Единение, Гражданственность, Сообщество, Народ, Государство, Церковь, которые находятся в полях Общежития, Согласия, Общения, где главенствует благодетельная Любовь; а с теми низвергаются с неба Монополия, Толпа, Секта, Триумвират, Дробление, Партийность, шатающиеся в полях беспорядочной Привязанности, лукавого Намерения, Восстания, Заговора, где заправляет всем злонамеренный Совет со всею роднёю.

Откуда удаляются Близнецы, туда восходят воплощенная Любовь, Дружба, Мир, блаженствующие на своем собственном поле, а изгнанные уводят с собой несправедливое Пристрастие, которое упрямо вкореняется в поле несправедливого и злобного Желания.

Рак уводит за собой злобное Подавление, недостойное Движение назад, позорный Недостаток, непохвальное Обуздание, Опускание рук, Убирание ног от доброй думы и дела, Перепрядывание Пенелопы и прочих подобных товарищей и друзей, которые то и дело служат в полях Непостоянства, Малодушия, Нищеты духа, Невежества и многих других; а к звездам возносятся последовательное Движение, Подавление зла, Укрощение лживого и неправого с их служителями, кои работают все в полях честного Страха, умеренной Любви, доброго Намерения, похвального Раскаяния и других союзников, враждебных дурному Прогрессу, притворному Движению вперед, мздолюбивому Застою.

Лев уводит с собой тиранический Террор, Страх и Угрозу, опасный и ненавидный Авторитет, надменную Славу и Наслаждение тем, что тебя больше ненавидят, чем любят. Вращаются они в полях Строгости, Жестокости, Насилия, Подавления, где их мучат тени Боязливости и Подозрения, а на небесное пространство восходят Великодушные, Благоклонность, Блеск, Благородство, Превосходство, каковые служат в полях Правосудия, Сострадания, справедливой Войны, праведного Помилования, ревностно стремясь к тому, чтобы их более любили, чем ненавидели, восходят и там обретают себе Утешение с Безопасностью, Спокойствием духа и их фамилией.

Идут воссоединиться с Девой Воздержание, Стыдливость, Целомудрие, Скромность, Правдивость, Честность, которые торжествуют в полях Чистоты и Чести, презираемой Бесстыдством, Невоздержанностью и иными матерями враждебных им фамилий.

Весы становятся образом вожеленного Равенства, Справедливости, Милости, Благодарности, Уважения и прочих товарищей, управителей и последователей, что живут в тройном поле Распределения, Обмена и Воздаяния, куда не заходят Неправосудие, Немилость, Неблагодарность, Наглость и прочие их подруги, дочери и распорядительницы.

Где изгибал свой гибкий хвост и расставлял клешни Скорпион, там нет больше места ни Обману, ни несправедливому Одобрению, ни притворной Любви, ни Надувательству, ни Предательству, но утверждаются противоположные им добродетели, дочери Простоты, Искренности, Истины, кои пребывают на материнских полях.

Мы видим, как Стрелец становится символом Созерцания, Изучения и доброго Порыва с их последователями и слугами, коим предлежит и подлежит поле Истинного и Доброго, чтоб они могли образовать Разум и Волю, совсем чужды им скучливое Невежество и пустое Безделье.

К оставшемуся на небе Козерогу присоединятся Пустынничество, Уединение, Сокрушение, их матери, подруги и служанки, кои удалятся на поля Отрешения и Свободы, где плохо приходится Беседе, Договору, Собранию, Сожительству и всем остальным из их сыновей, друзей и правителей.

На месте сырого и расточительного Водолея появится Умеренность – мать многих бесчисленных добродетелей, которые любят в особенности показываться в тех местах с дочерьми Гражданственностью и Государственностью, откуда бежит Необузданность страстей вместе с Дикостью, Суровостью и Варварством.

Откуда, вместе с недостойным Молчанием, Завистью к мудрости и Извращением учения, что обитают в полях Человеконенавистничества и Подлости ума, удаляют Рыб, там ставят достойное Молчание и Молчаливость, каковые находятся в полях Благоразумия, Воздержания, Терпения, Умеренности и прочих; от них же бегут в противоположные убежища Говорливость, Многоглаголанье, Сплетня, Ругань, Шутка, Скоморошество, Легкомыслие, Пустословие, Насмешка, Ябеда, Ворчливость.

Где был Кит в засухе, там помещается Спокойствие духа, в безопасности на полях Мира и Отдыха, а Буря, Вихрь,хлопоты, Беспокойство и прочие союзники и братья их исключаются.

Откуда боги изгоняют врасплох божественного и чудесного Ориона и с ним Ловкость, Надувательство, излишнюю Любезность, напрасное Чудо, Волшебство, Шутовство и Мошенничество, коими всевозможные проводники, кондотьеры и привратники пользуются, приспособляя их для Хвастовства, Тщеславия, Захвата, Грабежа, Подделки и иных многочисленных пороков, на поприще коих они совместно подвизаются, туда возносится Воинство, борющееся с несправедливыми, видимыми и невидимыми силами, действующее на полях Великодушия, Крепости, всеобщей Любви, Истины и прочих бесчисленных добродетелей.

Где так и останется воображаемая река Еридан, там будет еще кое-что славное, о чем поговорим в другой раз, ибо здесь не место говорить о столь почтенном предмете.

Откуда берут трусливого Зайца вместе с напрасным Страхом, Трусостью, Трепетом, Недоверием, Отчаянием, ложной Подозрительностью и прочими сыновьями и дочерьми отца-Ничтожества и матери-Невежества, там появляется Страх, сын Благоразумия и Рассудительности, слугитель Славы и истинной Почести, что могут вырасти на всех добродетельных полях.

Где, вытянув спину, гнался за зайцем Большой Пес, туда поднимаются Неусыпность, Стража, Любовь к республике, Охрана дома, Тираноубийство, Ревность, спасительная Проповедь, каковые обретаются в полях Благоразумия и Естественной Справедливости, а с ним нисходит вниз Охота и прочие дикие и зверские доблести, что только волею Юпитера считаются героическими, хотя на самом деле пребывают на полях Палачества, Зверства и Живодерства.

Уводит за собой Малый Пес Подлизывание, Лесть и рабское Послушание вместе с их друзьями, и туда наверх поднимаются Кротость, Домовитость, Ласковость, Любвеобилие, обретающиеся на полях Благодарности и Верности.

Откуда возвращается в море Корабль вместе с подлой Скупостью, обманной Торговлей, скаредным Прибытком, вездесущим Пиратством и прочими бесчисленными товарищами, даже и во много раз более порочными, там поселяются Щедрость, услужливое Сообщение, современная Запапливость, полезный Договор, достойное Путешествие, благодетельная Перевозка с их братьями, спутниками, кормчими, гребцами, солдатами, проводниками и прочими служащими, что обитают на поле Фортуны.

Где растягивает и расширяет свои кольца южный Змей, прозвищем Гидра, туда ставят предусмотрительную Осторожность, рассудительную Проницательность, возобновляющуюся

Мужественность; отсюда падают старческая Вялость, тупое Возвращение в детство вместе с Коварством, Завистью, Раздором, Злословием и другими сосольниками.

Взамен Коршуна с его мрачной Чернотой, мучительной Болтливостью, постыдным и цыганским Надувательством, ненавистным Нападением, слепым Презрением, неряшливым Рабством, поздним Исполнением и нетерпеливой Жадностью воцаряются божественная Магия со своими дочерьми, Гадание со своими служителями и семейством, между коими самый главный и первый – Предсказание, им же обычно пользуются с добрыми целями на полях военного Искусства, Закона, Религии и Жречества.

На месте, где раньше была Чаша и с нею Обжорство и Пьянство с толпою подчиненных, товарищей и присных, появляются Воздержание, Трезвость и Снисхождение к побежденным с их порядками и условиями.

Где неизбежно стоит и утвержден в своем святилище полубог Центавр, вместе с ним водворяются божественная Притча, святое Таинство, нравственная Басня, божественное и святое Священство со своими учителями, хранителями и служителями, отсюда падает и изгоняется Басня пустая и звериная со своей глупой Метафорой, нелепой Аналогией, гиблой Аналогией, суетной Тропологией, темной Фигуратурой, с их лживым двором, свинскими собраниями, бунтовщическими сектами, спутанными ступенями, беспорядочными порядками, безобразными преобразованиями, нечистой чистотою, грязными очищениями и опаснейшими злодействами, кои все пребывают на полях Скупости, Дерзости и Надменности, над кем главенствует свирепая Злость и ору дует темное и тучное Невежество.

С Алтарем пребудут Религия, Благочестие и Вера: с восточного угла его падают Легковесие с уймою дурости и Суевесие со всякого рода делами, дельцами и делишками, и с западной стороны несправедливое Неблагочестие и бессмысленное Безбожие летят в пропасть.

Где ждет Южная Корона, там Награда, Честь и Слава – плоды деятельных добродетелей и добродетельных трудов, кои зависят от милости упомянутых небесных внушений.

Откуда берут полуденную Рыбу, там Приобщение к только что упомянутым почетным и славным плодам, там Радость, Река Наслаждения, поток Удовольствия, там Вечеря, там Душа.

«Питаем ум такую славной пищей,
Что с ней Юпитера амброзия и нектар незавидны».

Там – Предел бурных трудов, там Ложе, там тихий Отдых, там безопасный Покой.
Будь здрав!

Собеседники:

София, Саулин и Меркурий

Диалог первый

Первая часть первого диалога

София. Так что если б в телах, материи и сущем не было изменения, разнообразия и чередования, то не было б ничего приятного, ничего хорошего, никакого наслаждения.

Саулин. Ты, София, доказала это очень хорошо.

София. Всякое наслаждение, как мы видим, состоит ни в чем ином, как в известном переходе, пути и движении. В самом деле, отвратительно и печально состояние голода, неприятно и тяжело состояние сытости; но что дает нам наслаждение, так это движение от одного состояния к другому. Состояние любовного пыла мучит нас, состояние удовлетворенной страсти угнетает, но что дарит нам удовольствие, так это переход из одного состояния в другое. Ни в каком настоящем положении нельзя было бы найти наслаждения, если б нам прошлое не стало в тягость. Если работа и приятна нам, то только вначале – после отдыха; и в отдыхе есть наслаждение только сначала, после работы.

Саулин. Если это так, то нет радости без примеси горя; не в движении ли одинаково соприкасаешься и с тем, что нас радует, и с тем, что нас печалит?

София. Правильно говоришь. К сказанному добавлю только, что иной раз сам Юпитер, когда ему надоедает быть Юпитером, устранивается от дел и становится то земледельцем, то охотником, то солдатом – вот он вместе с богами, вот с людьми, вот со зверьми. Горожане устраивают для себя праздники и развлечения в деревнях, а поселяне отдыхают, празднуют и проводят свободные от работы часы в городах. Кто только что сидел или лежал, тот с удовольствием и радостью ходит, напротив, находит себе отдых в сидении, кому пришлось много бегать. Нравится на воздухе тому, кто слишком долго пробыл дома; влечет к себе комната того, кто пресытился полями. Часто есть какое бы ни было приятное кушанье значит, в конце концов, получить к нему отвращение. Только перемена одной крайности на другую, благодаря своему соучастию и в той, и в другой крайности, только движение от одной противоположности к другой, благодаря своим серединам, может удовлетворить. И, наконец, насколько велико родство между крайностями, мы можем видеть из того, что они скорее сходятся меж собою, нежели подобное с подобным себе.

Саулин. По-моему, это все так, ибо правосудию нечего делать там, где нет преступлений, согласие устанавливается только там, где были споры; круглое не ложится на круглое, потому что они касаются только в одной точке, но выпуклое покоится на вогнутом; и в нравственном мире – гордый не может ужиться с гордым, бедняк с бедняком, скупой со скупым, но гордый находит себе удовлетворение в униженном, богатый – в бедном, скупой – в расточителе. Значит, если судить с физической, математической и нравственной точек зрения, то ясно, что не малого доискался тот философ⁴, который проник в смысл совпадения противоположностей, и вовсе не глупый практик тот маг, который ищет, в чем состоит оно, это совпадение. Стало быть, все, что вы сказали, – сушая правда. Но я хотел бы знать, о София, ради чего, с какой целью вы это говорите?

София. Отсюда я хочу вывести вот что. Начало, середина и конец – рождение, рост и совершенствование всего, что мы видим, идут от противоположностей, через противоположности, в противоположностях, к противоположностям: там, где есть противоположности, есть действие и противодействие, есть движение, есть разнообразие, есть множество, есть порядок,

⁴ О Николае Кузанском, учение которого о совпадении противоположностей послужило для Джордано Бруно исходною точкою в утверждении учения о единстве вселенной.

есть степени, есть последовательность, есть черед. Поэтому каждый, кто хорошенько поразмыслит над этим, никогда не станет отчаиваться или возноситься духом от того, что у него есть и что – он сам в настоящем, как бы это настоящее ни казалось ему, по сравнению с другими жизненными обстановками и долею, хорошим или дурным, худшим или лучшим. Так я со своим божественным предметом – Истиною, которую так давно гонят, скрывают, преследуют и угнетают, считаю этот мой предел, волею судьбы, за начало моего возвращения, появления, возвышения, прославления тем большего, чем больше были противоположные крайности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.